

НА ДАЧЕ У ЖИГУНОВА:
«НЕ ПРОСИ, ВСЕ РАВНО НЕ ДАМ,
Я ЖЕ ТЕБЕ ОБЪЯСНИЛ,
БЛАГОРОДНОЙ СОБАКЕ
СЫРЫЕ ГРИБЫ ВРЕДНЫ!»

— Популярность гардемаринов, наверное, можно сравнить только со всенародной любовью к нашим мушкетерам.

— Нет, с мушкетерами нам не сравниться, хотя отдельные случаи бывали. После концерта в Елабуге нам с Харатыном всю машину раскрасили губной помадой. Не помню, какого цвета автомобиль был от природы, но в тот вечер он стал ярко-розовым. Водитель страшно ругался — помада была жирная и ни в какую не смывалась.

Но такой популярности, как у снимавшегося с нами Боярского, я в жизни больше не видел. Когда он появился на съемках первых «Гардемаринов», все окна в округе открывались и с подоконников неслось: «Рыжий конь косит зеленым глазом...» Чтобы его увидеть, девицы забирались на гаражи. Миша поражал меня своим терпением по отношению к самым безумным поклонницам. Он — настоящий петербургский интеллигент. Мы с ним очень подружились.

Сначала, когда мы познакомились на «Гардемаринах», мы с ребятами звали его из уважения Михаилом Сергеевичем. Он жутко обижался, считая, что его подначивают. Велел называть себя только Мишой и перейти на «ты». Ну, и в период перехода на «ты» мы с ним слегка боролись, боксировали, по-честному выясняли, кто сильнее. Помню, у него были пижонские белые брюки, так я его этими брюками по паркету, натертому

оранжевой мастикой, как провез! А на стометровке я его по молодости обогнал метров на пятнадцать. Ночью в Калинине, в легком подпитии, мы устроили забег возле памятника Ленину. Прямо со стометровки нас забрали в милицию. Я с низкого старта как пошел, так и влетел прямо в лапы милиционеров. Чуть позже взяли и Михаила Сергеевича. Он расписался милиционерам на фуражках, и нас освободили. После этого мы залезли пить пиво на памятник тверскому музыку Афанасию Никитину. Кстати, пиво нам

подвозили те же работники милиции.

— Говорят, была какая-

то история на съемках в

Калинине, когда, по утвер-

ждению Боярского, он «от-

метел» Жигунова?

— Это не история, это отголоски сложного постановочного номера. Представьте себе: ночь, Прага, перерыв между съемками «Королевы Марго». На съемочной площадке сидит сонный Боярский. Как только кто-нибудь входит, Боярский встряхивается: «Ты знаешь, как я метелил Жигунова в Калинине? Нет? Как щенка!» Народ спросонья не понимал,

что происходит. А он опять вновь входящему: «Знаете такой город Калинин? Как я Жигунова там метелил — по морде, по морде!» Когда он все это проделал раз в шестьдесят, все уже просто бились в истерике от смеха.

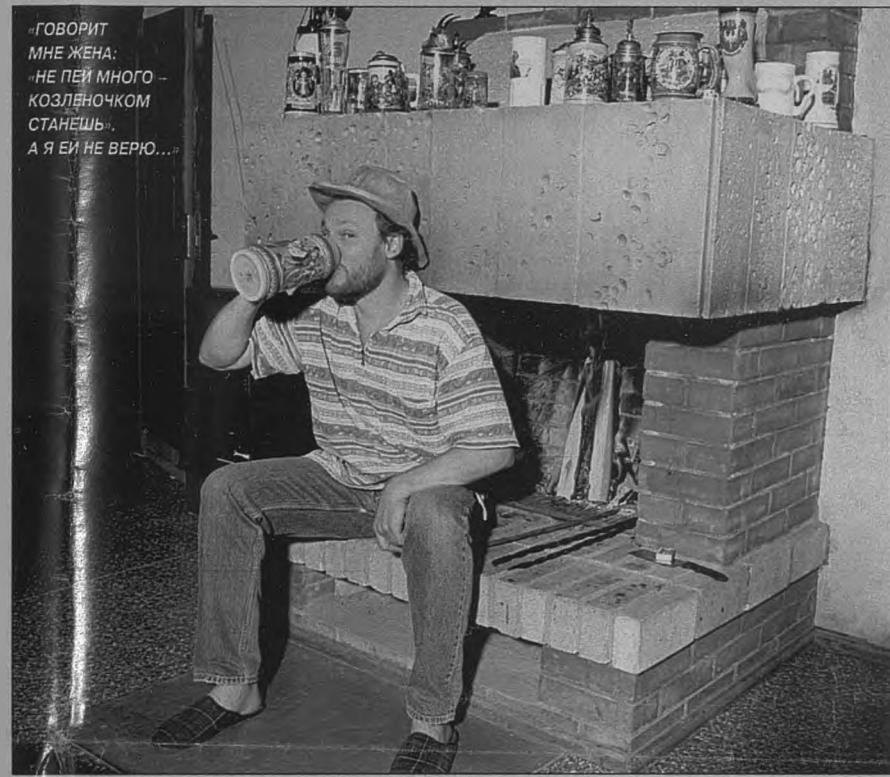
Был у него розыгрыш и похоже. На съемки «Королевы Марго» при-

езжала моя жена Вера, с которой Боярский почти не был знаком. Он ее заметил, тихонько встал рядом и вдруг начал: «Серега, ты помнишь, как подцепил эту гадость тогда в Калинине? Мы еще тебя лечили-лечили?» А я ему в ответ: «А если у моей жены нет чувства юмора?» «Нет, — гово-

рит, — у тебя жена нормальная, я виджу».

— Сергей, кажется, вы женелились очень рано?

— Мы с Верой поженились, когда я еще учился в Щукинском училище. Познакомились на съемках в Калуге, на смешной фантастической картине «Шанс» по Кирю Булычеву. Я играл моло-

ВЕРА:
«... И НАПРАСНО,
НЕ СЛУШАЛСЯ МЕНЯ,
ВОТ И СТАЛ КОЗЛЕНЧОКОМ!»